

АЛИШЕР НАВОИ—

великий узбекский поэт-гуманист
XV века

Стенограмма публичной лекции
писателя Петра СКОСЫРЕВА,
прочитанной 30 июля 1945 года
в Круглом зале Дома Союзов
в Москве

АЛИШЕР НАВОИ—

великий узбекский поэт-гуманист XV века

Стенограмма публичной лекции
писателя Петра СКОСЫРЕВА,
прочитанной 30 июля 1945 года
в Круглом зале Дома Союзов
в Москве

П Л А Н Л Е К Ц И И

	Стр.
Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое культурное наследство	3
Алишер Навои — великий классик прошлого	4
Средняя Азия в XV веке	4
Детство и юность Навои	6
Навои — государственный деятель	7
Навои — автор собрания поэмы «Хамса»	9
Вторая ссылка и смерть Навои	13
Литературное наследие Навои	16
Многообразие творческих интересов Навои	18
Непреодолимое значение творческой деятельности Навои	20

Редактор — А. Л. ЧИСТЯКОВА

А 21694.

Тираж 25 000.

Заказ 1853

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое культурное наследство

Мы издавна привыкли ценить Шекспира, Сервантеса, Вольтера, Пушкина, Бальзака, Толстого, Чернышевского и других великих классиков русской и западноевропейской литературы. Гораздо меньше нам известны мыслители, поэты и учёные Востока. До Великой Октябрьской социалистической революции культурой народов Кавказа и Средней Азии занимался лишь узкий круг учёных-специалистов. Широкие круги читателей не знали не только произведений, созданных классиками Востока, но часто и имён этих классиков, а порой даже и не подозревали, что народы, живущие бок о бок с ними в пределах одного общего для всех нас государства и лишь говорящие на ином языке, в прошлом имели замечательных деятелей культуры, знать которых необходимо, полезно и интересно, и труды которых являются неотъемлемой частью мирового классического наследия.

Равноправие наций и рас, провозглашённое Великой Октябрьской социалистической революцией, возможность, предоставленная советской властью каждому народу Советского Союза, свободно развивать и строить свою культуру вызвали к жизни усиленный интерес к национальной культуре.

Октябрьская революция не только обогатила наше настоящее, не только расширила перед каждым советским народом горизонты будущего, но, если можно так сказать, она обогатила и прошлое. Именно за годы советской власти проделана грандиозная работа по изучению и популяризации замечательных произведений классической литературы, как русской, так и других братских народов.

Вспомним юбилей великого украинского поэта Тараса Шевченко, или замечательного осетинского писателя Коста Хетагурова, или грузинского классика Шота Руставели, отмечаемые всей Советской страной.

Знаменуя торжество ленинско-сталинской национальной политики в области культуры, эти литературные юбилеи явились как бы всенародным университетом. Они оживляли имена выдающихся писателей наших народов и поднимали общий культурный уровень каждого советского человека.

Нужно ли добавлять, что внимание к литературе народов СССР в немалой степени способствует дальнейшему укреплению и развитию дружбы народов, этой твердыни твердынь советского государства.

Алишер Навои — великий классик прошлого

Гениальный поэт Средней Азии, живший пятьсот лет назад и известный под именем Алишера Навои, справедливо считается родоначальником узбекской литературы. Для узбекской литературы Навои имеет такое же значение, как Руставели для Грузии, как Шевченко для Украины, как Ломоносов и Пушкин для великой русской культуры.

Но не только Узбекистаном ограничивается влияние и значение творческой деятельности Навои. У всех близких по языку народов Средней Азии — у туркмен, казахов, киргизов, кара-калпаков, так же как и у других тюркоязычных народов — у татар, башкир, азербайджанцев,— имя Навои окружено ореолом величайшего внимания и почтения. Все народы Советского Востока видят в Навои одного из замечательных культурных деятелей прошлого.

Сочинения Навои в течение пятисот лет воспитывали широкие круги народов Востока, а когда становились доступными народам Запада, то и на Западе неизменно вызвали самое восторженное к себе отношение.

Ознакомление с сочинениями Навои (сейчас часть его книг уже опубликована на русском языке и подготавливается к выходу собрание его сочинений) неоспоримо свидетельствует, что имя Навои достойно занять место в одном ряду с именами наиболее прославленных классиков мировой литературы.

Средняя Азия в XV веке

Что представляли собой Средняя Азия и её народы пятьсот лет назад, в XV веке, когда жил и творил Навои?

Обитателями Средней Азии были в ту пору разнообразнейшие племена, говорившие на различных тюркских наречиях (они положили начало узбекскому, туркменскому, казахскому и киргизскому народам), и племена, говорившие на языке, близком к персидскому (эти последние образовали народ таджиков). Кроме того встречались остатки монгольских племён, приведённых в Среднюю Азию кровавым завоевателем Чингиз-ханом. Но остатки монгольских племён быстро ассимилировались, смешивались с местным населением и к началу XV века по языку и образу жизни уже мало чем отличались от основных масс коренного населения.

В политическом отношении Средняя Азия к началу XV столетия представляла собой разноплеменное деспотическое государство, известное под названием государства тимуридов.

Во главе его стояли султаны, так называемые тимуриды — потомки знаменитого Тимура, более известного у нас под именем Тамерлана. Сам Тимур, в кровавых походах создавший грандиозную империю, простиравшуюся от Индии до берегов Волги и Кавказа, умер в первых годах XV века. Созданное им государство, как и большинство древних государств, возникших в результате насильственного объединения многих покорённых народов под властью одного завоевателя, сразу же после смерти Тимура стало клониться к упадку. Так произошло с великой империей Александра Македонского, так случилось с империей Чингиз-хана в XIII веке, такая же участь постигла империю Тимура. В первые же десятилетия после его смерти разноплеменное, огромное по территории, деспотическое по системе управления государство Тимура стало расшатываться и разваливаться. Этому в значительной мере способствовала кровавая борьба за верховную власть между многочисленными потомками Тимура.

К тому времени, когда родился Навои (в 1441 году), большинство окраинных областей государства Тимура уже фактически отделилось от него, и под властью тимуридов оставались лишь области собственно Средней Азии да некоторые районы, входящие ныне в пределы Афганистана и отчасти Ирана.

Столицей государства при Тимуре был город Самарканд. Наследники его перенесли своё местопребывание в Герат, который и оставался главным городом империи до падения тимуридов.

Именно в Герате родился и провёл большую часть жизни Алишер Навои. Герат в то время был не только главным административным центром государства, но и средоточием всей культурной жизни того времени. Объединив под своей властью неоглядные земли Азии, Тимур положил немало труда на то, чтобы превратить главные города империи в самые великолепные города мира. Он не жалел ни сил, ни денег на возведение величественных зданий, из которых некоторые уцелели до наших дней и поражают своими размерами, красочностью украшений и изяществом очертаний. Привлекая, порой насильно, искуснейших зодчих, мастеров и ремесленников для украшения своей столицы, Тимур заботился также и о том, чтобы при его дворе жили и работали самые прославленные учёные, философы, поэты того времени. Блеск наук и искусств должен был служить вящей славе удачливого завоевателя.

Особенно большим вниманием пользовались при дворе хорасанских султанов поэзия, музыка и астрономия.

Родной внук Тимура, правитель Самарканда Улуг-бек, весь свой досуг отдавал астрономии и может считаться одним из крупнейших учёных-астрономов средневековья. Для наблюдения за движением небесных светил Улуг-бек соорудил в Са-

марканде обсерваторию, бывшую в те века самым величественным сооружением подобного рода. Остатки обсерватории Улуг-бека уже в наше время раскопаны советским учёным-востоковедом В. Л. Вяткиным.

В Самарканде и Герате в те времена можно было услышать и философские споры, и разбор классических произведений старинных поэтов Ирана — Фердоуси или Рудаки,— и чтение стихов, которые во множестве слагались тогда на самые разнообразные темы и по самым различным поводам. Но, понятно, занятия наукой и искусством были уделом лишь правящей верхушки общества. Народ находился в полном беспросветии и оставался в темноте и невежестве.

Добавим также, что народ не пользовался благами культуры ещё и потому, что основная масса населения говорила на тюркских наречиях, а большинство сочинений писалось на персидском языке, языке придворной знати, или арабском, совсем уже непонятном населению.

Такова в общих чертах была обстановка политической и культурной жизни Средней Азии во времена Навои.

Детство и юность Навои

По своему происхождению Навои был знатный человек. Отец его служил при дворе султана Абулкасыма Бабура. Сам Алишер с раннего детства воспитывался вместе со своим ровесником, правнуком Тимура, Хусейном Байкара и получил прекрасное по тому времени образование. Он не только изучил в совершенстве персидский и арабский языки, не только ознакомился с произведениями великих поэтов-классиков Востока, но занимался также музыкой, математикой, астрономией, философией и всеми другими известными в те времена науками.

Замечательное поэтическое и музыкальное дарование проявилось у Алишера очень рано. Ему ещё не было десяти лет, когда он уже сочинял музыкальные мелодии, сам подбирая к ним слова. При этом он был любителем декламации и читал стихи не только других поэтов, но и своего собственного сочинения. Учёные люди, бывавшие в доме отца Навои, любили слушать юного поэта, удивлялись его разнообразной одарённости и пророчили ему великую славу.

С ранних лет Навои пришлось познакомиться, так сказать, на практике и с политической жизнью Хорасана. Ему было около восьми лет, когда из-за кровавых дворцовых смут отец его принуждён был покинуть Герат и бежал со своей семьёй в далёкий Ирак. Впрочем, султан Бабур скоро покончил со смутой, и семья Навои вернулась в столицу.

Однако спокойствие в Герате длилось всего несколько лет. После смерти Бабура на престол вступил один из его двоюродных братьев — Абду-саид Мирза, воцарение которого снова вы-

звало мятеж. Право на престол теперь оспаривал тот самый Хусейн Байкара, который был товарищем детства Навои. Все родственники Навои поддержали правнука Тимура, но султан Абду-саид подавил мятеж, и семья поэта снова попала в опалу. Два дядя Навои были казнены; сам молодой поэт был выслан в Самарканд под надзор ханского наместника.

Навои к этому времени уже пользовался известностью как поэт, знаток философии и музыкант. Возможно, что широкая популярность Навои и помешала султану Абду-санду разделаться с ним так же, как он разделался с его родственниками.

В Самарканде, в ссылке, Навои провёл три года. Он жил там в крайней бедности и не умер с голоду лишь потому, что ему охотно оказывали помощь его многочисленные поклонники, одним из которых, нужно сказать, скоро стал и сам самаркандский наместник Хаджи-бек.

В маленькой келейке самаркандского медресе, где жил ссыльный поэт, обычно собирался весь цвет Самарканда. Там можно было встретить знаменитых астрономов, философов и поэтов — прославленных и ещё только начинающих, которые робко представляли свои первые стихи на взыскательный суд Навои.

Годы самаркандской ссылки Навои были заполнены неустанным умственным трудом. Можно с уверенностью сказать, что именно в эти годы окончательно оформились и поэтическое дарование и общеполитические и политические взгляды Навои. Позже, в последующие годы, когда он выступает как государственный деятель и пишет свои основные художественные произведения, Навои предстаёт перед нами как человек с уже совершенно определившейся, глубоко продуманной системой взглядов на все явления науки, искусства и политики.

Ссылка для Навои кончилась в тот момент, когда султан Абду-саид умер и на престол вступил друг поэта Хусейн Байкара.

Став султаном, Байкара немедленно вызвал к себе Навои. Вчера ещё бесправный, ссыльный поэт сразу стал одним из первых людей в стране. Хусейн Байкара назначил его своим визирем, иными словами, первым министром государства.

Навои — государственный деятель

Облик Навои настолько многогранен и все стороны его деятельности настолько тесно связаны между собой, что было бы неверно, да и невозможно разграничивать его литературные интересы и его общественную и политическую деятельность.

Система взглядов, которая лежала в основе творчества Навои-писателя, определяла деятельность Навои-политика.

Планы государственных преобразований у Навои были весьма обширны. Выше всего на свете ценя образование и науку, поэт упорно развивал мысль о необходимости широкого просвещения народа. В каждом кишлаке, по мысли Навои, должна была существовать школа, в больших же городах школы должны быть в каждом квартале.

Озабоченный бедственным положением населения, визирь побудил султана снизить налоги, чем успокоил жителей Герата, восставших против непосильных поборов.

Для орошения пустыющих земель Навои вырыл в провинции Тус оросительный канал длиной в 70 километров.

Навои не уставал настаивать на строгом соблюдении закона со стороны всех чиновников и управителей, которые обирали и казну и народ, превращая земледельцев в нищих. Он добивался строгих мер для наказания взяточников.

Обязанности должностных лиц, по мнению Навои, должны были быть строго определены в специальных письменных наказах, которые ограждали бы население от произвола.

Для защиты населения от корысти лавочников он предложил следить за базарными ценами.

Навои настаивал, чтобы султан лично принимал челобитчиков и немедленно карал тех, кто чинит насилие и произвол. Он предложил также закрыть все игорные и питейные дома и дома разврата.

Как видим, программа государственных преобразований у Навои была весьма обширна, но в осуществлении её он наталкивался на сильное сопротивление придворной знати, которая всячески настраивала султана против его визиря.

Как известно, в деспотических монархиях личность государя нередко определяла и политику государства и судьбу государевых приближённых. Байкара по природе был неплохим и не лишённым дарований человеком. Подобно большинству своих современников, он увлекался поэзией и даже сам сочинял неплохие стихи. Он любил музыку и философию и ценил Навои не только как товарища детства и юности, но и как великого поэта и государственного деятеля.

Порывистый и увлекающийся, султан Байкара на первых порах после вцарения охотно слушал советы своего друга и шёл навстречу его начинаниям и планам. Но поэт встретил сильную оппозицию со стороны придворной знати и богатых землевладельцев, опасавшихся нарушения своих привилегий. Они не уставали нашёптывать султану всевозможные наветы на Навои, обвиняли его в стремлении посягнуть на власть султана и даже приписывали Навои намерение совершить дворцовый переворот. Байкара—человек слабых характерный—постепенно подпал под влияние этих людей и стал отдалять от себя своего друга. В конце концов Навои был отстранён от управления государством.

Навои—автор собрания поэм «Хамсэ»

Именно в этот период отстранения от государственных дел Навои и написал свои знаменитые пять поэм, создавшие ему немеркнущую литературную славу.

Первой из этих поэм Навои была философская поэма «Изумление благих». Лишённая единого сюжета, она полна размышлений о поведении и судьбах людей, об общественных нравах, об обязанностях государей и правителей и о тех путях, которыми должны идти люди, чтобы достигнуть торжества, справедливости и счастья.

Эта поэма явилась как бы итогом всех тех наблюдений над жизнью государства и общества, которые сделал Навои за время самаркандской ссылки, а затем за 13 лет своего пребывания у власти. Отдельные строфы и эпизоды её звучат как резкое обвинение султана и правящей верхушки в пренебрежении к интересам народа.

Поэма вызвала большой интерес у современников и ещё более обострила ненависть к Навои со стороны придворной знати.

По форме поэма «Изумление благих» явилась подражанием знаменитой поэме «Сокровищница тайн» великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви.

В литературах Востока поэмы-подражания, поэмы-ответы стали широко распространённой поэтической традицией, имеющей специальное название «назирá». Беря за основу сюжет, фабулу и образы широко известного классического произведения, поэт, следовавший традиции «назирá», видел свою цель в том, чтобы пересказать известное произведение по-своему, насытив его своим собственным восприятием мира и сообщив ему своё поэтическое дыхание.

На Западе также можно наблюдать подобные явления. Вспомним, сколько произведений написано на темы Дон-Жуана или Фауста. Но никогда в литературах Запада эта традиция не играла такой роли, как в поэзии народов Востока.

Азербайджанский поэт Низами жил в XII веке и заслужил мировую славу своими поэмами «Сокровищница тайн», «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», «Семь красавиц» и «Книга об Искандере».

Эти пять поэм вызвали целую цепь поэм-ответов или поэм-подражаний, которые создавались разными поэтами народов Передней и Средней Азии в течение ряда столетий. В XIII веке на те же темы, что и Низами, написал свои пять поэм Эмир Хосров. В следующих веках в подражание поэмам Низами были созданы «пятерницы» поэм Ашрафом, Катиби, Амиром Сухейли и др. В XV же веке сюжеты и образы поэм Низами были разработаны поэтом Джаами, близким другом и наставником Навои.

Отдавшись поэтической деятельности после отстранения от государственных дел, Навои также задумал создать свою «пятерицу».

Поэма «Изумление благих», по форме и жанру весьма напоминающая «Сокровищницу тайн» Низами, была первой поэмой из «пятерицы» Навои.

Следующей поэмой Навои была «Лейли и Меджнун», написанная на ту же тему, что и одноименная поэма Низами. «Лейли и Меджнун» — это поэтическая обработка старинного арабского сказания о чистой и страстной любви двух молодых людей, юноши Меджнуна и девушки Лейли, которым косность условий жизни не даёт возможности соединиться. В результате многих испытаний и бед гибнут и Меджнун и Лейли, эти Ромео и Джульетта Востока.

Оставив почти в неизменённом виде сюжетную канву поэмы Низами, Навои сумел придать образам своей поэмы такую свежесть, столько собственного поэтического мироощущения, что получилось совершенно оригинальное произведение, справедливо считающееся шедевром творчества Навои. В эпоху, когда женщина была предметом купли и продажи, а замужество — простой сделкой родителей, ничуть не интересовавшихся чувствами своих детей, Навои смело воспел власть чистого и страстного чувства любви, которое сильнее всякой корысти, которое заставляет предпочесть смерть своему поруганию.

Вот мольба Меджнуна к Всевышнему, чтобы тот не лишил его любви Лейли:

«Мне люди скажут: «Вновь счастливым будь,
Забудь свою любовь, Лейли забудь!»
Бесчестные слова! Позор и стыд!
Ужели бог таких людей простит?
О, в кубок просьбы горестной моей
Поболее вина любви налей!
Два раза кряду предложи вина:
Напьюсь любовным зельем допьяна,
Великий бог! Мне жилы разорви,
Наполни страстью их взамен крови!
О всемогущий! Смерть ко мне пришли, —
Мне станет жизнью память о Лейли.
Больному сердцу моему вели:
Да будет сердце домом для Лейли.
Лиши меня вселенной целой ты, —
Мою любовь нетленной сделай ты.
Когда последняя наступит боль,
Сказать: «Лейли» — в последний раз позволь:
Захочешь вернуть меня к живым,
Дай мне вдохнуть её селенья дым,
Геену заслужил я? Раскали

Геену — страстью пламенной к Лейли!
Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою!»

Поэма эта может быть причислена к самым возвышенным произведениям мировой поэзии о любви.

Закончив «Лейли и Меджнун», Навои без какого-либо перерыва немедленно принялся за работу над третьей своей большой поэмой — «Фархад и Ширин», которая по традиции «назира́» должна считаться ответом на поэму Низами «Хосров и Ширин».

В поэме «Фархад и Ширин» рассказывается трогательная история о китайском царевиче Фархаде. Пленённый видением неведомой красавицы, царевич преодолевает тысячи препятствий и совершает великие подвиги, чтобы увидеть наяву свою мечту. Удача сопутствует богатырю — красавица, мелькнувшая ему в видении, на самом деле существует. Это чистая душой и прекрасная лицом армянская царевна Ширин. Царевна пламенно полюбила Фархада, воздвигшего для неё собственными руками великолепный каменный дворец. Но судьба и в этой поэме не благоприятствует влюблённым. Старый злой иранский шах Хосров сам задумал овладеть красавицей Ширин. Он двинул на Армению несметные войска. Описание бедствий войны, которые принёс Хосров в Армению, так же как и описание героических подвигов, которые совершал Фархад, чтобы защитить Ширин, поистине принадлежат к числу самых впечатляющих страниц, когда-либо созданных поэзией Востока. В конце концов Фархад попадает в плен к Хосрову и гибнет. Ширин, узнав о смерти своего возлюбленного, умирает тоже. Вот строки о смерти Ширин:

«Так до дворца Ширин они дошли,
Фархада тело во дворец внесли.
Омыв от жизни руки, в свой покой
Ширин вступила твёрдою ногой,
Спокойно изнутри замкнула дверь,
И не тревожась ни о чём теперь,
С улыбкой безмятежной на устах
Направилась к носилкам, где — в цветах,
В парче, в шелках желанный гость лежал,
Как будто сон сладчайший он вкушал.
Но сон его настолько был глубок,
Что спящий пробудиться бы не мог.
Ширин глядела — и хотелось ей
Таким же сном забыться поскорей,
И с милым другом ложе разделить,
И жажду смерти так же утолить.
Свою судьбу в тот миг вручив творцу,

Она — плечом к плечу, лицом к лицу —
 Прижалась тесно к другу, обняла,
 Как страстная супруга обняла,
 И долгий вздох издав, как бы зевнув,
 С улыбкой на устах глаза сомкнув,
 Мгновенно погрузилась в тот же сон,
 В который и Фархад был погружён...
 О, что за сон! С тех пор, как создан свет,
 От сна такого пробужденья нет!
 Пресытиться нельзя подобным сном,
 Хоть истинное пробуждение — в нём!»

Образ богатыря Фархада — неутомимого труженика, мужественного и деятельного рыцаря любви, отдавшего все свои богатырские силы на служение той, кого он горячо и чисто любил и за которую он умер, — принадлежит к величайшим образам, созданным мировой поэзией. Имя Фархада, так же как и имя Ширин, со времени Навои стало на Востоке нарицательным. И мы не удивляемся, когда узнаём, что грандиозная стройка канала в степях Узбекистана, начатая и осуществлённая в годы Отечественной войны узбекским народом, названа им «Фархадстрой». В поэме Навои Фархад ради достижения счастья один своими руками построил величественный замок из камня. Ныне советский народ-богатырь также сам, своими руками, возводит могучие сооружения — оплот своего счастливого существования.

Четвёртой поэмой «пятерицы» Навои была большая поэма «Семь планет».

«Семь планет», — собственно, не одна поэма. Она составлена, подобно поэме Низами «Семь красавиц», из семи отдельных рассказов, объединённых общей сюжетной рамкой. В этой поэме нашли своё отражение фольклорные интересы Навои. Всегда внимательный к народному творчеству, Навои переработал целый ряд популярных сказаний и легенд и искусно ввёл их в свою поэму, ставшую как бы хрестоматией поэтических сказок Востока.

И, наконец, последней из этих пяти знаменитых поэм Навои явилась грандиозная и по теме и по размеру поэма-роман, посвящённая, так же как и последняя поэма Низами, рассказу о жизни и походах Александра Македонского — «Садди Искандери», что в переводе означает «Вал Искандера».

В этой поэме нашли наиболее прямое выражение передовые взгляды поэта на права и обязанности государей и на социальную и политическую структуру государства.

Таковы главнейшие поэтические произведения Навои, которые вошли в историю литературы под общим заголовком «Хамсэ», что в переводе на русский язык и означает «пятерица».

В каждой из этих поэм с предельной чёткостью выражены гуманистические идеи Навои. Носителями идей гуманизма поэт сделал положительных героев «пятерицы» — богатыря Фархада, рыцаря идеальной любви Меджнуна, доброго и справедливого правителя Бахрама, мудрого государя Искандера, ясных и чистых девушек Лейли и Ширин. Нарисованные с большой художественной силой, эти образы поэта стали воплощением человеческой тоски по таким условиям жизни, при которых на земле будут торжествовать добро, разум и справедливость, а зло, насилие и невежество будут считаться преступлением.

Если бы литературная деятельность Навои ограничилась созданием лишь одной «пятерицы», то и этого было бы достаточно, чтобы имя староузбекского поэта навсегда осталось в истории человечества как имя одного из благороднейших поэтов мировой литературы.

Вторая ссылка и смерть Навои

Время создания Алишером Навои его «пятерицы» может считаться счастливейшим временем его жизни. Занятый любимым делом, он был в стороне от всей грязи дворцовых интриг. Но счастье это оказалось кратковременным. Если Навои был далёк от интриг двора, то интриги и козни царедворцев против него были весьма близко. Они уже стояли у порога его дома.

Новый визирь султана, стяжатель и злодей Медждуддин, не мог примириться с тем, что популярность его предшественника Навои всё росла. К тому же присутствие поэта в Герате мешало Медждуддину провести в жизнь план обложения народа высокими налогами. Навои всё ещё оставался знатным и уважаемым человеком и мог возвысить свой голос в защиту народа. Словом, для спокойствия нового визиря Навои нужно было во что бы то ни стало удалить из столицы.

И Медждуддин в конце концов добился этого. Он уговорил султана назначить Навои правителем отдалённой провинции Астрабад. Это назначение выглядело как знак внимания к поэту, но фактически оно было его ссылкой. Навои не хотел оставлять Герата. Но Байкара проявил упорство, и вот в расцвете своих творческих сил 45-летний Навои покидает родной город и отправляется в дикие туркменские степи.

В качестве эмира Астрабада Навои оставил по себе память у местного населения как добрый, справедливый и мудрый правитель.

До сих пор в туркменском фольклоре огромной популярностью пользуются устные народные сказки, в которых заступник народа Мирали (так туркмены прозвали своего эмира Алишера Навои) борется с злым султаном.

Тоскуя по родному городу, в Астрабаде поэт вернулся к поэзии. Он принялся за составление сборника своих небольших лирических стихов, начатого ещё в Герате, который вырос в грандиозный том в 45 тысяч стихотворных строк. В этих стихах, виртуозных по форме, нашли дальнейшее развитие все те взгляды и настроения поэта, которые пленили его читателей в поэмах «пятерицы».

Нужно сказать, что в целом ряде стихов, созданных Навои во время его астрабадской ссылки, проскальзывают ноты большой человеческой усталости, ноты разочарования в жизни:

«Уже белеет голова, да и зубов уж многих нет.

Пора собираться в дальний путь. Кончай свои дела, поэт.

Давно ли молодость цвела, а смотришь — старость тут как тут.

Как ни хитри — один конец в долине горьких зол и бед.

Увы, ни осень, ни весна мне счастья больше не сулят.

Пришла моя зима, — и в снег, как в саван, я уже одет.

Свой путь все люди на земле к забвенью держат, Навои,

Зачем стремишься к цели ты, иди и сам за ними вслед».

Однако житейские невзгоды не могли сломить сильного и ясного духа поэта. Будучи с юных лет борцом за счастье людей, именно в астрабадской ссылке Навои придал законченную форму своим требованиям, которые он предъявлял к султану. Требования эти в виде письма он отправил Байкаре.

Поэта волновали смуты, которые с течением времени всё больше раздирали Хорасан. И Навои предложил султану подробно разработанную программу преобразований, которые должны были сделать государство Байкары сильным и просвещённым.

Но султан был уже не в силах что-либо изменить в своей политике. Предавшись разврату и пьянству, он оставлял пиры разве лишь затем, чтобы с оружием в руках спешить в тот или другой конец страны, где ежегодно вспыхивали всё новые мятежи, поднимаемые различными претендентами на престол. Между прочим, наиболее яркими претендентами на власть к тому времени стали родные сыновья султана. Они и возглавляли мятежи, терзавшие страну.

Байкара в конце концов согласился лишь с одним предложением или, вернее, лишь с одной просьбой Навои: он разрешил ему вернуться в Герат и удалил от дел визиря Медждуддина. И хотя дал Навои титул «приближённого его величества», фактически не провёл в жизнь ни одного пункта из гуманистической программы поэта.

Этот последний, гератский период жизни Навои по возвращении из Астрабада был заполнен литературным трудом и бесплодными попытками вернуть султана на путь справедливого и деятельного управления страной.

Всё своё состояние Навои в те годы тратил на возведение в Герате величественных зданий, которые очень украсили город. Стараниями Навои в Герате были возведены здания новых храмов, общественных бань, школ и других общественных и культурных учреждений.

Популярность Навои в народе возрастала. И не только потому, что он был справедливый и горячий постоянный заступник населения от произвола казиев, муфтиев и других султанских чиновников. Популярность его имела своими истоками ещё и то, что Навои все свои сочинения писал на староузбекском языке, а не на персидском, на котором было принято в то время писать стихи и прозу.

Понятные и доступные каждому песни и поэмы Навои заучивались наизусть и расходились не только по городу, но и по всем уголкам обширного царства Байкары.

Переход с персидского языка, бывшего чужим и непонятным для целых областей государства тимуридов, на язык основного населения страны и положил начало существованию узбекской литературы. Эта важнейшая историческая заслуга Навои дала ему право на вечную благодарность потомства и предопределила его огромную славу у народов Средней Азии.

Волнения жизни и гигантский творческий труд поэта между тем вконец подорвали его здоровье. В конце 1500 года Навои, как временный управитель Герата (такова была его последняя общественно-государственная должность), должен был участвовать во встрече султана Байкара, возвращавшегося в столицу после примирения с одним из своих сыновей. Алишер уже не мог самостоятельно двигаться. Его несли на носилках. Завидев караван султана, он захотел слезть, но, сделал два—три шага, упал. Это был удар, который через несколько дней и свёл поэта в могилу.

Днём смерти Навои принято считать 3 января 1501 года.

Один из друзей Навои, впоследствии знаменитый историк Хондемир, оставивший нам книгу воспоминаний о поэте, в таких словах передаёт впечатление, которое произвело на население Герата известие о смерти Навои:

«Солнце только что начало рассыпать по горизонту свои лучи, когда по городу распространилось это тяжёлое известие, ставшее причиной рыданий всего народа. От криков, поднявшихся к небу, синее небо покрылось облаками и на землю, словно поток, начали литься слёзы...»

Проводить тело до могилы собралась не только вся знать Герата, но и многие тысячи ремесленников, торговцев и простого люда.

Тело Навои было погребено в мавзолее, который был выстроен в Герате по чертежам и планам самого Навои.

Литературное наследие Навои

Литературное наследие Навои огромно. За свою жизнь он написал больше 100 тысяч стихотворных строк и много прозаических произведений. Мысленно перелистывая многочисленные тома собрания сочинений Навои, мы совершаем как бы прогулку по творческому саду этого замечательного человека, удивляясь обилию и зрелости плодов, вращённых им.

Остановимся прежде всего на примечательном сочинении Навои, посвящённом вопросу развития его родного языка. Сочинение это называется «Тяжба двух языков».

Озабоченный не только практическим созданием поэзии на родном языке, но и теоретическим обоснованием пригодности его для поэзии, Навои в этой книге доказывает, что язык тюркских племён Средней Азии достаточно богат и выразителен для создания на нём художественных произведений.

Навои негодует, что тогдашние поэты пренебрегали языком народа и писали на чужом языке. Ведь тюркский язык — так поэт называл язык староузбекский — ни в каком отношении не ниже персидского. Вот подлинные слова Навои:

«В словах и фразах тюркского языка так много тонкостей, которые оставались скрытыми ввиду того, что над их достоинствами никто до меня не задумывался. Это преимущество тюркского языка перед персидским, его истинные тонкости и широкие возможности не были известны в особенности в области поэзии. Этот язык был посажен в дом заключения и был доведён до полной заброшенности...»

Свои мысли Навои подкреплял большим количеством примеров и филологических изысканий. Книга «Тяжба двух языков» явилась как бы литературным манифестом огромной силы и стала первой теоретической книгой тюркоязычной поэзии, не потерявшей значения и до нашего времени.

Назовём ещё книгу Навои «Мезануль авзан», что можно перевести на русский язык как «Весы размеров» или «Трактат о ритме».

Содержание этой книги определяется её названием. Она явилась как бы продолжением «Тяжбы двух языков». В ней много тонких наблюдений над явлениями народного стиха и убедительных и ярких примеров, почерпнутых главным образом из фольклора тюркоязычных народов.

Наибольшее значение из всех прозаических книг Навои имеет его прославленный сборник «Махбубуль-кулуб», что по-русски означает «Самое любимое» или, если перевести дословно, «Возлюбленные сердца». До сих пор в Узбекистане, Туркмении и среди других народов Средней Азии этот сборник считается одной из популярнейших книг.

Обычно эту книгу называют философской. Но было бы правильнее назвать её дневником писателя. Начиная эту книгу, автор не задавался целью создать произведение с единым, выдержанным сюжетом или с последовательным развитием одной какой-нибудь мысли. В книге «Махбубуль-кулуб» мы найдём вольное изложение многих жизненных наблюдений поэта, его мысли о государстве, обществе, о личной и общественной морали, об искусстве и науке. При этом философские рассуждения перемежаются вставными рассказами, эпизодами, афоризмами.

О себе и о своей жизни Навои в этой книге говорит так:

«Жизнь была тяжёлой с начала юности до глубокой старости, я испытывал долгое время трудности от событий века, бедствий, ниспосланных всевышним, от двоедушия людей. Я занимался многими разными делами и ходил разными дорогами...»

Книга эта имеет явно назидательный характер. Навои страстно мечтал сделать жизнь людей и их самих лучше, добиться установления в государстве строя справедливости и правды и в достижении этих целей видел назначение своего литературного труда. Говоря нашим языком, он видел назначение писателя в том, чтобы быть воспитателем человеческих душ и человеческого разума.

Как нам понятно и близко это воззрение Алишера Навои на сущность и цели литературы!

Бичуя нравы и порядки деспотического правления Хусейна Байкара, Навои с язвительной насмешкой говорит о подавлении султаном всякого свободомыслия:

«Если царь сказал, что родниковая вода — это яд, то доказавший нет — уже преступник. Если царь утверждает, что от солнца исходит темнота, то усумнившийся в этом лишится своего благосостояния. Царь назовёт чёрного ворона белым соколом, и горе тому, кто не повсрит, кто не стачет поддакивать, что, конечно, это сокол и с ним бы хорошо выйти на охоту за гусями. Если царь в ясный полдень молвит: «Какая тёмная ночь», то горе всем, кто тот же час не увидит на небе звёзд...»

С неменьшей остротой Навои клеймит всевозможных казиев, муфтиев, султанских советников и чиновников:

«Они за грош тысячу истин назовут ложью. За корзинку винограда готовы спалить целый сад, за колос пшеницы разведут весь овин...»

Борясь с невежеством и темнотой, он называет знахарей и колдунов «пособниками палачей», а о торгашах, обирающих население, он писал в этой своей книге так:

«Прибыль торговца — вред для народа. Им бы только купить дешевле, продать дороже. Покупая ткань, они говорят —

это холстина. Сбывая холстину, уверяют: да это же шёлк. Без стыда они всучат вам бумажный платок за шерстяной, и готовы соломенную циновку выдать за бархатный ковёр...»

Как видите, Навои находил весьма доходчивые и выразительные слова для того, чтобы бороться со злом тогдашней жизни. Но широта и прогрессивность его воззрений выходили далеко за рамки осуждения изъянов средневековой мусульманской жизни. Целый ряд его высказываний сделал бы честь иным современным «политикам».

«Скупцу не бывать в раю,— говорил Навои,— происходит он от самого пророка,— добрый же, будь он хоть негр, не окажется в аду».

Надо представить себе условия жизни на мусульманском Востоке в средние века, чтобы понять всю смелость такого высказывания. Доброго негра Навои предпочитал злому святоше. Не цвет лица и не наследственная «чистота крови» определяют, по Навои, ценность человека, а его личные качества. Но ведь за такое утверждение, живи он в наше время и попадись в лапы гитлеровцев, его бы отправили в Майданек или сожгли в Тремблинке.

Высокий гуманизм этого замечательного писателя XV века нашёл своё чёткое выражение в одном из его афоризмов, который может стоять эпиграфом ко всему, что написано Навои за всю его беспокойную жизнь:

«Если ты человек, не называй человеком того,
кто не заботится о народе...»

Многообразие творческих интересов Навои

Можно было бы заполнить всю лекцию одним лишь перечислением книг Навои и изложением их содержания. Ограничимся лишь некоторыми важнейшими его трудами, помимо тех, о которых уже сказано.

К основным трудам Навои нужно причислить его «Историю персидских царей» и его критическую книгу «Собрание выдающихся людей», в которой даны биографические сведения о четырёхстах выдающихся литераторах того времени и их творческие характеристики.

Отдельную книгу посвятил Навои творчеству своего знаменитого старшего собрата и наставника поэта Джаами, с которым он был в самых дружеских отношениях.

Из произведений Джаами им была переведена книга, которую он назвал «Веяние любви». В этой книге Навои знакомил читателей с выдающимися мусульманскими философами Востока.

Навои написал книгу и о музыке — «Муншаат», — используя при этом собственный опыт автора многих музыкальных мелодий. Между прочим, мелодии, созданные Навои, и

ныне широко распространены в Средней Азии. Вы услышите их в любом кишлаке Узбекистана, в любом ауле Туркмении. Обычно, если в аул или кишлак приходит бахши (народный певец), его просят: «Сыграй Навои», — и колхозные дехкане готовы часами слушать напевы, сложенные полтысяч лет назад гениальным поэтом.

Чтобы дополнить картину удивительного многообразия творческих интересов Навои, скажем, что им ещё написано немало писем и рассуждений об архитектуре, о благоустройстве городских рынков, об охоте (бывшей в то время не только популярным развлечением, но и любимейшим видом спорта), о составлении и разгадывании шарад и многое другое.

Оглядываясь весь этот обширный труд, созданный усилиями одного человека, в условиях, которые никак уж нельзя назвать благоприятными, невольно начинаешь искать в истории мировой культуры имена, с которыми можно было бы сравнить великого среднеазиатского поэта. И в голову приходят такие имена, как Леонардо да Винчи или Михаил Ломоносов. Алташ Навои был из того же племени богатырей созидательного творческого духа.

О лучших поэмах Навои мы уже говорили. Остановимся вкратце лишь на его последней поэме, написанной незадолго до смерти. Она называется «Язык птиц» и написана в традиции «назира́» как ответ на знаменитую одноименную поэму иранского поэта Аттари. Содержание её вкратце таково:

Птицы всех пород собрались лететь в неведомые края, где, по слухам, обитает сказочная птица Симург. Эту волшебную птицу они задумали сделать своим царём. Но путь в страну чудес не лёгок. Добрая половина тех, кто полетел за сказочным Симургом, погибла. У оставшихся иссякают силы. Наиболее малодушные повернули обратно и сбиваются с дороги. Лишь небольшая горсточка упорных и настойчивых смельчаков продолжает полёт. И когда все трудности уже позади, эта горсточка смельчаков узнаёт, что никакого сказочного Симурга не существует. Это они, выдержавшие все испытания и преодолевшие все трудности, и являются тем самым сказочным Симургом, к которому стремятся, как к чуду, все пернатые.

Изложение, даже самое подробное, произведений Навои никогда не может дать полного представления о их подлинных поэтических и философских богатствах. Их надо прочесть. И когда читаешь поэмы Навои, жалеешь, что так поздно познакомился с ними, и одновременно радуешься, что благодаря торжеству ленинско-сталинской национальной политики советским людям стали доступны наряду с творениями гениев Запада произведения великих писателей и мыслителей народов Востока.

Непреходящее значение творческой деятельности Навои

Полтысячелетия отделяет нас от времени, когда жил и творил Навои, но имя его и его книги остались живыми для народов Средней Азии. Книги эти будили и будят в людях мысль и не дают им падать духом даже в самые мрачные периоды, которых немало знала история этой древней земли.

Народы Востока бережно хранили память о своём великом человеке. Не успел, как говорится, ещё отлететь дух поэта, как уже стали появляться произведения, в которых нашла своё признание его литературная и государственная деятельность.

Ученик и верный друг Навои историк Хондемир оставил нам книгу о жизни и деятельности своего знаменитого наставника. Младший современник Навои, человек, которому позднее суждено было прогреметь на весь мир как покорителю Индии и основателю империи Великого Могола, падишах Бабур, в своих весьма интересных мемуарах «Бабур-намэ» посвятил немало прочувствованных строк великому Алишеру. Был составлен и пользовался известностью специальный «Словарь Навои», в котором старательно были собраны и представлены все слова и метафоры, употреблявшиеся поэтом в его сочинениях.

Каждый из писателей Средней Азии, живших в позднейшие времена, считал себя обязанным Навои, как в нашей литературе каждый писатель всегда считает себя обязанным Пушкину.

Для западноевропейских и русских читателей книги Навои до самого последнего времени были почти недоступны. Лишь в годы советской власти в нашей стране приобрело невиданный размах изучение национальных классиков. Этим был неизмеримо расширен фундамент, на котором свободные народы Советского Союза строят свою яркую, национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

Чувство единой семьи стало определяющим чувством, связывающим многочисленные разноязычные советские народы. То, что творения Навои, равно как и творения других великих людей прошлого советских народов, в настоящее время переводятся на русский язык и становятся доступными самым широким кругам читателей, является великолепным свидетельством торжествующего единства народов нашей отчизны.

Это единство явилось залогом того героического подъёма, который помог советским народам выдержать удар фашистских орд, помог опрокинуть их и сбросить в пропасть небытия.

Под водительством Сталина мы вели войну с гитлеризмом, и великие предки поддерживали нас в этой благородной борьбе, закончившейся полным разгромом фашизма.

Среди этих великих предков, в их светлом ряду мы видим и величавую фигуру мудрого Алишера Навои, всю жизнь нена-

видевшего тиранов и всем своим творчеством призывавшего прежде всего любить народ.

Закончим же этот краткий очерк жизни и работы неутомимого поэта-гуманиста словами из его стихотворения о неминуемой гибели злодеев:

«Жизнь угнетателей кратка.
Злодея путь — к исчезновенью.
Сейчас он жив. Но казнь близка.
Он гибнет в омуте забвенья!!!»

Цена 1 руб. 25 коп.